

Адеса, откройся!

*Сказка, которую 17 ноября 1900 года рассказал
Самуилу Чамбелу 45-летний Йосиф Кубизна из Нецпал*

Жили два брата. Один жил богато, а второй бедно, поскольку богатый забрал себе всё, что досталось им от родителей. И вот младший брат, когда нищета его совсем одолела, расплакался:

«Что же нам, жена моя, предпринять? Брат мой дворового пса любит больше, чем меня! А нам уже и есть нечего, и дети у нас оборванцы! Как же нам от голода спастись, из нужды выбраться? Сходила бы ты ещё разок к братцу, да одолжила муки и сметаны хоть на один замес, чтобы нам от голода не умереть!»

Жена послушалась и пошла одолжить муки. Но старший брат был скуп, жена его тоже, оба они на неё кричали:

«Растакие вы, разэдакие, лежебоки, работать не хотите, вам бы кто другой прямо в горло всё запихивал! Так уж и быть, невестка, одолжим тебе и муки, и сметаны, но отдавать нам будешь втройне!»

Женщина вздохнула:

«Что тут поделаешь! Если Господь нам поможет, вернём вам втройне и муку, и сметану».

Добрая женщина вернулась домой вся в слезах. Муж её в дверях встречает:

«Ну, жена, что выходила?»

«Что я выходила? Разве не видишь, муж мой дорогой, что слёзы душат меня! Брат твой и жена его на меня набросились, дескать, как посмела в их дом прийти одалживаться! Дали и муки, и сметаны, но вернуть им втрое

придётся! Ищи-ка ты, муженёк, какую-нибудь работу, чтобы могли мы долг вернуть. Надеяться нам не на кого и не на что!»

Отвечал ей супруг:

«Эх, старуха, Господь Бог богат, глядишь, нам и поможет, а ты ступай да напеки из муки лепёшек».

«Это зачем же, старик? Муки и так мало!»

«Испеки, старуха, да побыстрей. Пойду я в лес деревья валить да мох заготавливать. Мхом будем окна утеплять, а брёвна я продам и с братцем-скрягой рассчитаюсь, ещё и нам, глядишь, останется».

Жена с ним согласилась и очень довольна была, что муж так ловко придумал. Напекла она лепёшек, одну сунула мужу под халену (суконное пальто свободного покроя, часть словацкого национального костюма). А тот ей наказывает:

«Запрягай в двуколку нашего конька, и с Божьей помощью отправлюсь я в лес!»

Вот он собрался и тронулся в путь. Долго ехал долиной и подъехал к луговине. Конька с телегой там оставил, а сам овечьими тропами пошёл вверх деревья валить и мох собирать. Срубил он дерево, спустил его к телеге, а мешки, что были под мох приготовлены, бросил возле скалы, где мох ему приглянулся и подумалось: «Сейчас отвезу дерево, а потом за мхом вернусь».

Когда вернулся он к той скале, увидел двенадцать разбойников, вооружённых с головы до пят. Впереди на коне — тринадцатый, их атаман. Испугался добрый человек, укрылся за дубом, а тот оказался дуплистым, вот он в дупло и спрятался. Сидит и наблюдает за разбойниками. Возле скалы слез с коня атаман, сорвал прут, хлестнул по скале и говорит:

«Адеса, откройся!»

Он повторил это трижды, и скала со страшным грохотом раздвинулась. Разбойники вошли внутрь, атаман с прут в руке — последним. Скала за ним тотчас сомкнулась.

Что тут делать доброму человеку? Собрал он мох, уложил на телегу поверх дерева и повёз домой. Всю дорогу не давал ему покоя вопрос, как же это могло быть, что скала сама собой распахнулась и сомкнулась. «Ну, погодите», — думал он, — «доберусь я до вас. Днём и ночью глаз не сомкну, а выясню, что тут к чему!»

Дома сбросил он мешки с мохом и поехал продавать бревно. Выручил за него несколько монет, купил еды себе и детям. Увидела невестка, что он с деньгами вернулся, тотчас прибежала за мукой и сметаной:

«У тебя, шурин, денежки завелись? Вернул бы должок!»

«Бог ты мой! Как же я верну тебе долг, если без этой муки нам и есть нечего!»

«Уж это как знаешь, но если завтра к вечеру не рассчитаешься, заберём у тебя коня!»

Бедняк так расстроился, что всю ночь не мог уснуть. Под утро собрался, жене не сказал ни слова и отправился к той горе, где скала за разбойниками замкнулась.

Пришёл он к дубу, забрался в дупло, где и прошлый раз прятался. «Должен я», — думает бедняк, — «выследить, что вы за птицы!» Только он так подумал, скала раздвинулась и наружу вышли тринадцать разбойников во главе с атаманом. Подвели к атаману коня, а слуга ему подал прут. Три раза хлестнул атаман скалу и произнёс: «Адеса, закройся!» — и скала с грохотом сомкнулась. Прут атаман положил на прежнее место. Бедняк обрадовался: «Ну, друзья, подождите, теперь я выясню, что там у вас за сокровища!»

Выждал он, чтобы разбойники ушли подальше, выбрался из дупла, взял прут, остановился перед скалой и задумался: «Получится ли у меня как у атамана?» Хлестнул он трижды скалу прутотом и после каждого удара говорил:

«Адеса, откройся!»

Скала перед ним расступилась. Вошёл бедняк в пещеру, в первой комнате нашёл только человеческие черепа да кости, во второй комнате — двенадцать кроватей, а в третьей — только одну кровать. Четвертая комната была заполнена ружьями, фоношами (фонош — толстая палка с топориком, вид валашки), дубинками, саблями и прочим оружием. В пятой комнате было полно серебра, а в шестой — золота. Были там и другие комнаты, но от радости он уже ничего не мог осматривать, со всех ног побежал к коню, за мешками. Вернувшись в пещеру, наполнил мешки серебром и золотом, уложил их на телегу, сверху бревно положил и мох. Сбегал к пещере, трижды ударил прутотом по скале и произнёс:

«Адеса, закройся!»

Скала со страшным грохотом сомкнулась. Прут он положил на место, чтобы разбойники ничего не заметили.

Дома бедняк бревно и мох с телеги сбросил, а мешки в дом занёс.

«Ну, жена, больше нам голодать не придётся: ни мне, ни тебе, ни нашим детям!»

Тут из одного мешка выкатился золотой дукат. Увидала его жена — от радости чуть из кожи вон не выпрыгнула.

«Ну, муженёк мой дорогой, где же ты взял такое богатство?»

«тише, жёнушка, тише, не рассказывай никому и ни о чём, я тебе позже всё расскажу. А пока сходила бы ты к брату и одолжила четвертачку (мера для зерна). Надо наше богатство измерить!»

Пошла жена, попросила у невестки четвертачку. Невестка ей на это говорит:

«Что это ты мерять собираешься? Если ты муку, что мне должна, так тут и мерять нечего, знаешь, что вернуть мне втрое должна!»

«Одолжи, невестка, я вам её быстро верну».

Невестка вышла и долго ломала голову: «Что же они измерять собрались, если четвертачку одалживают? Давно ли от голода умирали! Ну, подожди, уж я-то узнаю, что вы меряете!» Дно четвертачки намазала она тестом. Жена бедняка, ничего не подозревая, принесла четвертачку. Пересыпали они деньги, муж ей и говорит:

«Отнеси, старуха, четвертачку назад, чтобы с нас за неё вчетверо не запросили».

Женщина отнесла. Она и не заметила, что к днищу прилипло несколько дукатов. Поблагодарила она невестку и домой вернулась.

Жена богача осмотрела днище. Диво дивное! Когда увидела она, что дно четвертачки дукатами облеплено, чуть не лопнула от злости. И закричала:

«Эй, муж, беги сюда скорей! Поверишь ли ты, если я скажу, что у твоего братца денежки завелись? Вот! Одолжила я им четвертачку, днище тестом намазала, чтобы узнать, что они мерять будут, а днище — смотри-ка! — дукатами облеплено!»

Скупой от удивления чуть не помер.

«Ну, подожди, должен я выяснить, где он столько золота набрал!»

Всю ночь ломал он голову над тем, откуда братцу такое богатство привалило. Утром, чуть свет, побежал он к брату. Едва подошёл к нему, руку подал, что ни слово, то «братец мой» да «братец мой» — никогда подобного не было.

«Милый мой братец», — сказал он, — ты забыл в четвертачке один дукат. Если не веришь, так вот он. Если не скажешь мне, откуда взялись дукаты, под суд тебя подведу! Не признаешься мне во всём — быть тебе на виселице!»

Бедный брат, как мог, отговаривался, но от скупого брата отделаться не смог, тот, казалось, и не собирался от них уходить. Пообещал он младшему вернуть всё, что отобрал у него после смерти родителей. Бедняк позвал жену посоветоваться:

«Знаешь, жёнушка, так он ко мне пристал, да ещё имущество обещал вернуть. Так и быть, я ему всё открою!»

И рассказал брату всё, как было. Когда богач всё это услышал, от радость чуть за облака не ухватился. Прибежал он домой:

«Жена, запрягай телегу, а я тем временем за мешками пойду! Столько золота и серебра тебе привезу, сколько у семидесяти семи королей не наберётся!»

«Да где же ты его возьмёшь? Не терял бы ты разума!»

«Ну, сказано тебе «запрягай», так поспеши, чтобы мне поскорее отправиться!»

Когда конь был запряжен, мешки уложены, хлестнул он коня и помчался в горы! Добрался до луговины, взял мешки и побежал к скале. Нашёл прут, трижды хлестнул по скале, повторяя: «Адеса, откройся!» Скала с грохотом перед ним расступилась. Взял он мешки и — вперёд! «Ну», — думает, — «подожди, братец, я тебя потесню, больше тебе не удастся попользоваться этим золотом!» Стал он золото лопатой в мешки нагребать.

Вот теперь самое время вернуться к разбойникам.

Когда вернулись они после первого же разбоя домой, когда увидел атаман, что в одной комнате целой кучи золота недостаёт, и кучи серебра, ноги у него чуть не подкосились.

«Скверно, братцы», — крикнул он. — «Не иначе как предали нас, сами видите!»

Те сразу подняли крик:

«Схватить негодяя!»

Приказал атаман разбойникам спрятаться возле скалы, а сам укрылся в пещере. Стали они ждать. Тут на свою беду богач прибежал за золотом и серебром. Принялся он золото в мешки нагребать, разбойники на него накинулись — разом все тринадцать.

«Ну, попалась птичка в клетку, теперь от нас не уйдёшь!»

Схватились они за сабли, порубили скрягу на мелкие части, куски в мешок собрали, а мешок в отдалении от той скалы выбросили. Радовались разбойники, что избавились от вора, снова разбоем занялись.

Когда богач не вернулся домой, его жена прибежала к невестке и говорит:

«Муж-то мой домой не идёт, не приключилось ли с ним что-нибудь?»

И рассказала, куда он отправился. Бедный брат сразу понял, что могло с ним случиться, и отправился на поиски. Когда до горы добрался, нашёл там телегу и пустые мешки. Пошёл он выше брата искать, но ничего не мог най-

ти, пока не набрёл на полный мешок. Подумалось ему: «Вот сколько братец набрал! Пойду и отнесу ему всё это золото!» Взялся он за мешок и что же видит? Родного брата останки. Взял он мешок, погрузил на телегу и поехал домой. Подумалось ему: «Видишь, братец, как наказал тебя Господь за скупость!»

Когда останки привезли домой и высыпали из мешка, жена богача сказала:

«Послушай, шурин, придут люди с ним проститься, увидят его расчённным, станут о том судачить, эти разговоры услышат разбойники и захотят нам отомстить».

«Ничего не бойся, я всё устрою. Знаешь ли ты сапожника, что живёт на краю села? У него детей много, а работы нет, голодают, вот его мы и позовём, чтобы тело сшил и никому о том не рассказывал».

«И верно, шурин. Это ты хорошо придумал. Прошу тебя, сходи к сапожнику, попроси его, чтобы ночью пришёл».

Отправился бедняк к сапожнику. Тот без работы у печи грелся, предложение охотно принял, очень радовался, что заработает. Взял он дратву, шило и — айда сшивать скупца. Когда сапожник свою работу закончил, заплатили ему очень прилично и предупредили, чтобы всё это в тайне держал. Дали ему выпить, сколько душа приняла, поскольку очень уж хорошо он свою работу выполнил, так всё ушил, что скупец целёхоньким выглядел. Пропустил сапожник несколько стаканчиков, и в весёлом настроении отправился домой, напевая.

Меж тем атаман был очень расстроен тем, что не нашёл он мешка с разрубленным телом. Подумалось ему: «Не нужна нам слава. Если о случившемся узнает семья, узнают и другие. А мешок не иначе как домочадца забрали».

«Вот что, хлопцы», — объявил атаман, — «Кто найдёт тех, кто унёс мешок, получит половину золота и серебра. Но если те из вас, кто за это возьмётся, ничего не найдут, станут на голову короче!»

Тут разбойники наперебой закричали: «Я! Я!» — все готовы на поиски отправиться. Но сказал атаман, что искать пойдут они по старшинству. Самый старший первым отправился, ничего не нашёл и стал на голову короче. Потом ещё двое ушли, а вернулись с тем же, что и первый. Рассердился атаман:

«Эдак я всех своих хлопцев лишусь. Пойду-ка сам поищу!»

Переоделся он, сунул в карман несколько дукатов и в путь отправился. Пришёл он ночью в село, а там в самой крайней избешке мужик поёт. Зашёл

он на двор, заглянул в окно, видит — сапожник на табурете сидит, выпивает и весёлые песни поёт.

«Ага», — подумал атаман, — «не знает ли он что-нибудь о том расчённом?»

Постучал он в окошко, сапожник с радостью открыл, надеясь, что будет ему компания. Говорит атаман:

«Ну, братец, весело тебе живётся! Чтобы тебе и дальше так же жилось! А я, видишь, по всему свету скитаюсь, и хоть умри от голода, нет как нет работы, а где и есть, там денег не платят».

«Не беда», — отвечает сапожник, — «тут найдётся для тебя и хлеба кусок, и водки стаканчик!»

Выпил атаман и ну приставать с расспросами:

«С чего это ты так веселишься?»

Сапожник ему в ответ:

«Эх, братец, заработал бы ты, как я три ночи назад, целый год ничего бы не делал, только пил да гулял, как я сейчас!»

«Да как же это?»

«Ну, как?» — отозвался сапожник весело, — «если не выдашь меня, скажу: я был доктором».

«И хорошо заработал?»

«Поверишь ли, братец», — разговорился сапожник, уже подгуляв изрядно, — «Ты, я думаю, знал того скупца, которого четыре дня тому назад зарубили невесть где. Так вот его я и сшивал, и за это докторское мастерство получил сто дукатов».

Говорит ему атаман:

«Эй, братец! Отвел бы ты меня к тому дому, где сшивал мертвеца, я дал бы тебе двести дукатов!»

Сапожник на деньги польстился и согласился, но при условии, что когда они выйдут из дома, он атаману глаза завяжет, доведёт его до ворот зарубленного, а оттуда назад, и только по возвращении домой глаза ему развяжет.

Сапожник атаману глаза завязал, привёл его к дому зарубленного. Тут атаман и говорит:

«Не отошёл бы ты от меня шагов на десять?»

И тотчас снова его зовёт:

«Пойдём, брат, домой. Теперь мне всё ясно!»

Вернулись они, сапожник атаману глаза развязал, а тот заплатил ему двести дукатов и прочь ушёл.

Сапожнику это не понравилось. На следующий день пошёл он осмотреть ворота, возле которых оставлял атамана. Пришёл, когда все ворота были ещё заперты. И что же видит? На воротах зарубленного скупца мелом чёрточка проведена. Сапожник — шутник, — достал из кармана мел и на всех воротах оставил по чёрточке. Когда домой возвращался, встретился с братом скупца и всё ему рассказал. Тут уж младший приготовился схватить разбойников.

На следующий день приходит атаман в село, смотрит на ворота и что же видит? На каждый мелом чёрточка проведена.

«Ну, сапожник, провёл ты меня! Смертью за это заплатишь!»

Но сапожник знал, что его ожидает, и уехал подальше с женой и детьми.

Теперь атаман знал, в каком селе жил зарубленный, осталось людей расспросить, в каком доме хоронили покойника. Родственники покойного об этих расспросах узнали и основательно ко всему приготовились.

Вечером переодетый атаман пришёл к ним на ночлег проситься. Схватили они его, связали и стали пытаться, пока он во всём не признался. Рассказал атаман, что ночью явятся девять его товарищей, спрятанные в бочке. В каждой бочке будет по четыре разбойника, а девятый будет за кучера. Когда бочки сгрузят с телеги, пусть кто-нибудь подойдёт к ним и постучит. Разбойники спросят: «Уже?» Домашние пусть ответят: «Уже!» Тогда разбойники вышибут дно и выйдут наружу.

Всё так и случилось. Вечером попросился на ночлег один батрак, на телеге ум него были уложены две бочки. Его охотно приняли, как только телега во двор въехала, ворота закрыли и всех разбойников схватили, а потом их повесили.